

"Мистер Рональд Клейр (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Часть 1. Нью-Йорк

— Fucking shit! — пожилой мужчина в строгом костюме и шофёрской фуражке, сидящий за рулём тёмного представительского «Лексуса», грязно выругался и выбросил через приоткрытое окно недокуренную сигарету. — God, please, not again!

Несмотря на заливающий лобовое стекло автомобиля дождь, шофёру был прекрасно виден высокий мужчина, выходящий в эту самую минуту через широченные раздвижные двери зала прибытий и ожиданий. Тот пристально оглядывался по сторонам, словно выискивая кого-то в толпе, и даже с такого расстояния было заметно, как играют желваки на его скулах. Он был мрачен, зол и, самое главное — он был один.

Опять один.

За последние полгода это был уже пятый раз, что Джеймс привозил его в Нью-Йоркский аэропорт имени Джона Кеннеди к чёртову рейсу из далёкой Москвы. И в пятый раз Рональд возвращался один.

Джеймс аккуратно тронулся с места и посигналил, обращая на себя внимание мужчины. Тот не стал дожидаться, а двинулся ему навстречу прямо через поток машин, полностью игнорируя и летящую из-под колёс грязь, и дождь, и зажатый в подмышке зонт. «Хана костюму», — подумал Джеймс, тормозя и приоткрывая переднюю пассажирскую дверь.

Рональд был единственным из всех его пассажиров, кто неизменно садился рядом с шофёром, напрочь игнорируя деловой этикет и принятые нормы поведения. Может, потому что знал его ещё с детства? Тогда вместо высокого офисного здания из стекла и бетона в центре Манхэттена Джеймс возил его в школу. Потом в университет. Потом встречал вот так же в аэропорту, когда молодой хозяин возвращался домой из туманной и дождливой Англии, где получал второе высшее образование. Мальчик в буквальном смысле слова рос у него на глазах. И Джеймс привык относиться к нему по-родственному. Может, и не как к сыну, но как к племяннику уж точно. Потому-то сердце и щемило при виде его в таком состоянии: потерянного, злого, не находящего себе места.

— Опять не прилетел? — озвучил он очевидное.

— Почему не прилетел? Прилетел! — Рональд стряхнул воду с копны тёмных волос и пробурчал: — Я его просто в карман спрятал, чтобы тебя позлить. А так, прилетел, конечно.

— Может, он всё-таки не получил билет? Бывает же так...

— Ну конечно же! — со злой весёлостью согласился Рональд. — И в прошлый раз не получил. И в позапрошлый... Джеймс, прелесть электронных билетов не только в экономии времени. Их ещё можно переслать по электронной почте и потребовать целую кучу всевозможных подтверждений: о доставке мейла адресату, о его прочтении, об удалении. Даже о раскрытии или скачивании прикреплённых файлов. Современные технологии — это тебе не почтовые голуби позапрошлого века. Всё он получил, скотина...

— Ну, значит, не хочет ехать.

— Да ладно! Правда, что ли? Надо же, сам-то я и не догадывался.

— Не язви! — одёрнул его Джеймс. — Просто я не могу уже видеть тебя таким. Ты же ни о чём, кроме этого чёртова русского, не думаешь. Да и с ним тоже... Эх! — махнул он рукой.

— Что «эх»? Давай уже, договаривай.

— Да то. Упёрся ты, Рон, как баран. Ведь понял уже, что не собирается он принимать твоё приглашение. Зачем тогда унижаешься, продолжаешь биться лбом в одну и ту же стену?

— А что ты предлагаешь? Поискать другую стену? Самому за ним лететь? Связанным в багаже привезти? На таможне оформлять будем как русский сувенир?

— Да на кой он тебе сдался вообще?

— Хороший вопрос, Джеймс. Своевременный. Вот в данный конкретный момент у меня просто руки чешутся прибить этого сучонка!

— Рон?!

— *Vot blyadstvo!* — Рональд выплюнул что-то явно ругательное на незнакомом шофёру языке, с силой потёр ладонями лицо и попросил: — Дай сигарету? Свои я все в терминале скурил.

— В отделении для документов посмотри, там твоя старая пачка должна валяться. Так что с москвичом-то? Специалистов по русскому как грибов после дождя, выбирай любого. Почему свет клином сошёлся именно на этом переводчике?

— Джеймс, не лезь в душу, а? Я сам-то толком... — мужчина неожиданно замер с так и не прикуренной сигаретой в пальцах; злость и тоску в его глазах уверенно вытеснял какой-то маниакальный огонёк надежды. — Джеймс, ты просто гений! Нет, ты больше, чем гений! На этой неделе ты мой бог!

— Рон? Ты меня пугаешь...

— Да нет, правда! Вот же оно... Ну вот же! Давай в офис! Давай, давай, быстрее! Я собираюсь кое-что прикупить в России. И тогда эта скотина уже точно не отвертится!

Часть 2. Москва, две недели спустя

Антон Бродский таращился на разложенные перед ним листы дорогой гербовой бумаги и делал тщетные попытки заставить свой мозг собраться и осмыслить изложенное в них. Мозг зверски сопротивлялся и не шёл на контакт. В конце концов, отчаявшись добиться послушания от собственных извилин, он вытащил мобильный телефон и, набрав по памяти номер, попросил:

— Славик, ты не мог бы зайти?

— У меня тут японцы...

— К чёрту японцев. Слав, прямо сейчас.

Через десять минут они таращились на бумаги вместе: Антон Бродский — официальный хозяин одного из многочисленных агентств Москвы, специализирующихся на переводах деловой документации, и Ярослав Беленький — его друг детства, сосед, однокашник, одноклассник, собутыльник, сокурсник и, по совместительству, совладелец тридцати процентов агентства.

— Тоша, это что? — Ярослав оторвал взгляд от бумаг и в недоумении уставился на ошарашенного мужчину напротив. В мутно-серых глазах того читались те же эмоции, многократно умноженные.

— Да я сам охренел, Славка. Потому тебя и позвал. Думал, может, я чего не так понял?..

— Чего уж тут непонятного? — осторожно взяв бумагу двумя пальцами, он зачем-то понюхал её, приподнял на уровень глаз, проверил на просвет, снова понюхал и постановил: — Нас, кажется, купили.

— Получается, что да.

— Но как так-то? И кто? Да и зачем?

— Ты лучше спроси, за сколько.

— За сколько? — послушно повторил за ним Ярослав.

Антон придвинул к себе клавиатуру, открыл страницу с данными банковского счёта и, повернув экран к Беленькому, молча ткнул пальцем в одну из строк.

— Ох ты ж твою мать!.. — Ярослав вскочил со стула и начал наяривать круги по кабинету. — Это же во сколько?.. Раза в два больше, чем оно стоит?

— Почти в три.

— Твою мать!.. — повторился приятель. — А кто сделку-то подписал? Отец?

— Ну, а кто ещё?

— Он же говорил, что агентство твоё! Что он не будет вмешиваться!

— Говорил. Но в три раза... Отец, кстати, ни копейки не взял. Сказал, мы давно отработали и это всё наше.

— Наше?

— Белый, тебе на радостях память отбило? Про свои тридцать процентов ещё помнишь? Напоминаю, что в учредительных документах ты отказался от права голоса, а не доли в прибыли. Я бы на твоём месте проверил банковский счёт.

— А ну, подвинься, — Слава, подскочив к столу, отпихнул Антона в сторону и поднял нужный сайт. — Мать твою... — в который раз ошарашенно протянул он, уставившись на цифру в углу экрана. — Тош, мы миллионеры. Нет, ты понимаешь? Я миллионер. Ты миллионер. Миллионеры, мать его. Кто бы мог подумать...

— Ну да. Чёрт, я себя Золушкой чувствую. Это же даже не экзит, а какой-то день открытых дверей в казино. Белый, ты когда-нибудь слышал, чтобы агенство переводов делало экзит?

— Ну мало ли, зачем мы понадобились этим... А кто купил-то, кстати?

— Какой-то мистер Рональд Клейр. Тебе это имя о чём-то говорит? Может, бывший клиент?

— Первый раз слышу.

— И я тоже. Ну вот скажи мне, пожалуйста, кто платит за обычную контору переводчиков — пускай и с репутацией, наработанной клиентурой и связями моего папаша, — почти два миллиона зелёными? Кстати, это не поглощение — ни закрывать нас, ни увольнять тебя или

меня этот мистер Клейр не собирается. Надо будет только слетать к нему познакомиться, отчитаться, согласовать дальнейшие действия.

— Ты полетишь?

— Ну да. Я же занимался всей административной работой и финансами. Не думаю, что твои японцы его интересуют больше, чем состояние счетов или квалификация наших переводчиков. К тому же, мне жутко любопытно взглянуть на этого гения от капитализма. Я, кстати, попросил навести справки, — успокоившись немного, Антон перестал вставлять через слово мать-перемать и вновь стал похож на того уверенного интеллигентного молодого человека, каким его знало большинство знакомых. — А, вот и оно! — он открыл только что пришедшее электронное письмо и, подвинувшись немного, чтобы не закрывать Ярославу экран, принялся читать:

— Итак. Рональд Клейр, сорок два года, «Клейр Индастриалс»... Круто. Миллиардер, чё. Потомственный, к тому же. Так... Главные офисы в Штатах и Великобритании, филиалы... хм, проще сказать, где нет. Верфи, заводы, биотехнологии, коммерческий телеканал, гостиничный бизнес... Разносторонний дядечка. Мы ему нафига?

— Может, на российский рынок решил расширяться?

— Может... А, нет. Вот же, смотри — во Владике верфь и в Питере представительство.

— Не туда смотришь, — внезапно севшим голосом позвал его друг и ткнул пальцем в последнюю часть анкеты. Там одним им известный хакер скинул пачку фотографий и неофициальные данные со взломанных им сайтов, почты и бог знает откуда ещё. — Читай: «В некоторых социальных сетях имеет фейковый профиль под именем Рон Смит». Тоша, пожалуйста, открой фото, посмотри на него и скажи мне, что это просто совпадение.

— Какое совпадение, Славка, ты о чём? — нарочито удивлённо протянул Антон, но рука, потянувшаяся к мышке, заметно дрожала. По щелчку развернулось изображение породистого темноволосого мужчины средних лет, прячущего усмешку в уголках тонких губ. Бродский молча смотрел на экран минуту, полторы, две и внезапно опять сорвался: — Сука! Вот же ж сука! «Клейр Индастриалс»! Скромненько, бл@, но со вкусом!

— Антон, — Ярослав встал с подлокотника его кресла и навис над приятелем. — Ничего рассказать не хочешь?

— И о чём, по-твоему, я должен рассказать?

— Например, расскажи мне о трёх билетах до Нью-Йорка, которые тебе присылал некий Рон Смит, внезапно оказавшийся Клейром. Или о том, почему каждый раз после этого ты так напивался, что мне приходилось применять шокотерапию в виде мордобития и ледяного душа, чтобы привести тебя в чувства? Я не спрашивал раньше, ждал, пока сам захочешь поговорить. Тебе не кажется, что время пришло? Или вот ещё такой вопрос: за каким чёртом ты настолько понадобился господину наследнику миллиардной империи? Ведь ясно же, что два миллиона долларов он выкинул не на нашу шарашкину контору, а на тебя лично. За что он платит? Что ему надо? Почку? Почка не стоит два милли...

— Пять, — еле слышно выдавил Антон.

— Что пять?

— Билетов, Белый, было пять, а не три.

— Да откуда у тебя вообще такие знакомства? — взорвался Ярослав. — Где вы сдыбались с этим американцем? Чего ему надо?

— Вот чёрт, — Антон прикрыл веки, тяжело вздохнул и решился: — Помнишь Дениса?

— Дениса?

— Домашнего переводчика той мюнхенской фирмы с лифтами?

— Этого пустоголового альфонса, по которому ты сох несколько месяцев назад?

— Ты знал?! — Антон ошарашенно распахнул глаза.

— Что я знал? Что пидорок этот лёгкой жизни ищет, что ты совсем мозгами тронулся и спонсировать его собирался или что ты гей?

— Третье.

— Ну, знал, — Ярослав пожал плечами и слегка скривил губы, мол, что тут знать-то?

— Давно? — Антон в недоумении уставился на приятеля.

— С института ещё. А что?

— А почему мне ничего не сказал?

— А ты почему? Ты молчал, ну и я молчал. Твоя же тайна, а не моя.

— Ну... Тоже верно, — надо же, он так переживал, что Славка узнает, а всё оказалось настолько просто. — Значит, Денис...

Часть 3. Москва. Полгода назад

— Тоша, ну пожалуйста! Что мне сделать, чтобы ты согласился? Хочешь, буду умолять? Ты же не бросишь меня в беде, правда?

— Какая беда, Дэн? Что ты придумываешь? — Антон в недоумении уставился на ладного ухоженного блондина, нервно курящего на его кухне. — Честное слово, ты делаешь из мухи слона. Скажи ему: «Спасибо, дядя, но нихт», и всё.

— Нифига себе «всё»! Ты себе представляешь вообще, как это со стороны будет выглядеть?

— Да никак это не будет выглядеть. Житейское дело, не думаю, что простой отказ его обидит. А даже если и...

— При чём тут он? — перебил Денис. — Мне на этого хмыря вообще поспать. Пусть думает, что хочет. Но у меня, если ты не заметил, парень есть.

— Ты из-за меня так переживаешь? — Антон фыркнул и потянулся, чтобы обнять. — Денис, послушай, я ничего такого не...

— А ты тут при чём?!

— Так... Не понял.

— В смысле... Ну, я не то имел в виду, — вид у Дениса мгновенно стал каким-то виноватым.

— Ты же говорил, что с Генрихом покончено.

— Да. То есть... То есть да, конечно. Просто, понимаешь, мы не успели это всё обсудить. А сейчас Генрих не в России, а по телефону такие вещи не сообщают.

— Но ты собираешься сказать ему?

— Конечно, Тоша! Я люблю тебя. Просто... Ну, просто нужно найти подходящее время. И последнее, что нам, — выделил он голосом это «нам», — сейчас нужно — скандал. Ты же знаешь, какой Генрих ревнивый.

— Откуда бы я это знал? — поразился Антон. — Да и какое мне, собственно, дело? Всё равно же он узнает.

— Тебе, возможно, дела никакого, а вот мне очень даже может встать поперёк горла, — рыкнул Денис, но тут же снова растянул губы в заискивающей улыбке, обнял за пояс и, коснувшись шеи лёгким поцелуем, попросил: — Тош, ну хватит ссориться. Ты мне поможешь?

— Если честно, я так и не понял, в чём проблема и какого рода помощь тебе нужна, — Антон всё никак не мог отделаться от ощущения, что его водят за нос, а потому продолжал злиться. А это, признаться, становилось несколько затруднительным, учитывая, что ласки Дениса перерастали во всё более откровенные.

— Нельзя, — руки скользнули под футболку, — чтобы Генрих понял, — лёгкие, дразнящие касания, — что этот мужик прилетел ко мне.

— Так значит, он всё же прилетел к тебе?

— М-м-м... — Антон остановил попытку опуститься на колени и заставил смотреть себе в глаза. — Я не думал, что всё так получится. Это была просто... игра.

— Какая игра, ты о чём?

— Блин, ну не знал же я, что он припрётся! — вырвался Денис и, отойдя к окну, снова закурил. — Это было ещё до тебя. Почти. Он соврал, я соврал — какая теперь разница?

Антон чувствовал, что вот-вот сорвётся. Мало ему полной двусмысленности и откровенно «попахивающей» ситуации с бывшим — бывшим ли? — Дениса. Он прекрасно отдавал себе отчёт, что Генрих был не просто любовником. Он и сам дал понять, что готов взять на себя заботу о материальном благополучии в их паре. И Денис вроде бы согласился. Но от папика своего пока что не ушёл, объясняя нежеланием расставаться по телефону. Учитывая, что большую часть времени Генрих проводил дома — в Германии, — ждать можно было до второго пришествия. А тут ещё этот американец!

— Ещё раз и, пожалуйста, спокойно, — обречённо вздохнув, попросил он, — кто, кому и о чём врал?

— Господи... Да тривиально же всё. Познакомились в интернете. Я ему про Глинку и загадочность русской души, он мне про индекс Доу-Джонса. Он ожидал увидеть скромного и

мечтательного скрипача, я — преуспевающего банкира. Обломались оба, конец истории.

— Ясно, — скрипнул зубами Антон. — Когда, говоришь, вы познакомились?

— До тебя.

— А конкретнее?

— Антон, что ты хочешь от меня услышать? Сейчас я с тобой. Этого недостаточно?

— Ладно, что конкретно ты от меня хочешь?

— У мужика этого билет обратный только через две недели. И ты в жизни не догадаешься, где он рассчитывал жить.

— У тебя, что ли?

— Прикинь.

— И в чём проблема? У тебя пустая квартира. Дай ему перекантоваться, а сам у меня поживи.

— Антон, ты соображаешь, что говоришь? — Денис даже дымом поперхнулся от возмущения. — Как ты себе это представляешь вообще? Я две недели буду шляться неизвестно где, более того — в моей квартире нарисуетя какой-то левый мужик, и Генриху, по-твоему, никто не накапает?! Ты помнишь, что за эту халупу, вообще-то, он платит?

— Хорошо, пусть едет в гостиницу, — не было никаких сил спорить о том, что студия в жилом комплексе «Эдельвейс» — не халупа, или напоминать, что купил её Генрих совсем недавно, и уж коль адрес был американцу известен, значит, Денис «играл» с ним одновременно с Антоном, а не задолго до их знакомства, как утверждал.

— У него денег нет. Я же говорил — не банкиром оказался. Всех достоинств — пиндосский паспорт.

Разговор этот происходил на кухне антоновой холостяцкой двушки, куда дерганный, какой-то перепуганный Денис заявился среди ночи напару с ничего не понимающим американцем. Последний сидел всё это время в зале, тихо недоумевая, зачем его сюда притащили и кто этот конопатый рыжий мужик, на котором его Дэн все время виснет.

Впрочем, это хозяин квартиры и его любовник так думали. А вот если бы кто-нибудь из них догадался в тот момент заглянуть в комнату, ему бы предстал отнюдь не удивлённый и потерянный турист, а злой как чёрт, но серьёзный и собранный мужчина.

Он прилетел в Россию уже пару недель назад и вчера вечером, покончив с делами, решил, наконец, познакомиться лично с московским парнем, переписка с которым изрядно развлекала его последние несколько месяцев. Тот, конечно, перегибал палку в попытках казаться скромным и утончённым, зато был далеко неглупым, симпатичным, хорошо владел английским и обладал замечательным чувством юмора. А самое главное, понятия не имел, с кем общался, что позволяло надеяться на искренний интерес. Вполне возможно, всего лишь дружеский, но чем чёрт не шутит. Глядишь, и последние пару дней в России обзаведутся приятным бонусом. А нет, так хоть будет с кем выпить вечером.

Денис — Дэн — как раз недавно переехал и хвастал фотографиями нового жилья. Не узнать

специфические формы элитного жилого комплекса на Давыдовской было сложно даже туристу. Номера квартиры, правда, он не знал, зато знал фамилию и имя. Но вот дальше началось что-то непонятное. Допустим, он подозревал, что не все любят сюрпризы. Даже не особо удивился, когда Дэн не позволил ему подняться в квартиру, хотя в переписке и озвучивал приглашение в гости. Но кому он врал, что приехал посыльный от важного клиента, которому понадобились услуги переводчика среди ночи? Интерком почему-то остался включен, и он слышал, как Денис тархтел в ответ на чьё-то возмущенное бурчание:

— Они японцы. У нас вечер, у них утро. Понимаешь? Что ж теперь, не работать с ними? Что значит, почему не предупредил? Не успел, ты же только прилетел. Да ты спи, спи, я быстро.

«Что за глупости, — подумал мужчина. — Какое утро? В Токио сейчас глубокая ночь».

Потом была эта поездка на другой конец Москвы, полная странных вопросов. Было даже забавно понять, что Денис этот — типичнейший содержанец, рассчитывавший поменять одного спонсора на другого — побогаче и с американским гражданством. Наблюдать за крушением его надежд стало достойной платой за испорченный вечер.

Но этот вот рыжий с его сочувственным, ни черта не понимающим взглядом был явно лишним. Себя бы пожалел, дебил.

Вечер перестал быть томным, и всё, чего сейчас хотелось, — смыть с себя липкость той ситуации, в которую он попал по собственному идиотизму, и лечь спать. Не то чтобы он рассчитывал на встречу с невинной и чистой душой, но всему есть предел, а эти русские на кухне даже и не пытались говорить тише. Ну, конечно. Что ж шушукаться, если тупой американец их все равно не понимает?

Наконец голоса перебрались в коридор. Рыжий звучал неуверенно:

— Хочешь куда-нибудь пойти сегодня вечером?

— Хочу, конечно. Но сегодня не получится. Работы завались. Давай на выходных? Я позвоню?

— Я сам позвоню, — о, а вот теперь рыжий раздражён.

И резкий хлопок двери. Вот и всё. Наконец-то. Рон устало прикрыл глаза. Да пошло оно всё!..

— Ты мне здесь что, спать собрался? — резкий окрик рыжего на английском. — Поехали, отвезу тебя в гостиницу.

— Не надо, я сам.

— Ага, сам, — рыжий на удивление хорошо говорил на английском, бегло и без акцента. — А расплачиваться натурой будешь? — Не просто бегло, а ещё и со сленгом знаком. Надо же. — Я оплачу гостиницу.

— Тебе-то какое дело? — вечер вновь становился интересным. — На митинг в защиту ушастых сов не позвали, решил меня благодетельствовать?

— Да ладно тебе, — подозрительно — в данных обстоятельствах — миролюбиво протянул конопатый любовник Дениса. — Не психуй. Ты в чужой стране, без денег к тому же. А Москва — город дорогой. Я понимаю, что ты злишься, но мозгами-то пораскинь. Две недели бомжевать собираешься?

— Да пошёл ты...

— Так, мужик, слушай сюда, — хозяин квартиры наконец-то перестал разыгрывать радушие. — Я тебе не друг, не брат, и вообще ты меня бесишь одним своим существованием. Так что попридержи язык. Но и выкинуть на улицу не могу. Жалко тебя, идиота. Ты же не виноват, что... Не важно. На вот, — рыжий безуспешно попытался всунуть ему пачку купюр. Пришлось спрятать руки за спину. Рыжий скривился и забормотал себе под нос на русском: — Гордый, да? Вот, бл@тво. Что ж с тобой делать-то теперь? — И снова вернулся к английскому: — Ну, послушай же... Дэн... эм... Дэн очень извиняется, но у него сейчас обстоятельства и он не может быть с тобой, хотя очень хочет. Наверное. Вот. И он попросил, чтобы я позаботился о тебе...

— Спасибо, не надо. Я пойду, — американец уже почти вышел из комнаты, когда внезапно остановился и, полуобернувшись к хозяину квартиры, бросил через плечо на чистейшем русском, пусть и с сильным акцентом: — У меня имя есть. Рон. И я тут не один такой идиот. Эти его обстоятельства сейчас дрыхнут на Давыдковской три, так что тебе сегодня вряд ли что-то обломится, — и, полюбовавшись отвисшей челюстью, вышел вон.

— Стой, придурок, — тяжёлая рука легла ему на плечо, когда он уже подходил к стоянке такси. — У меня поживёшь. Я Антон, кстати.

Вот так и получилось, что Рон Смит, «гражданин Соединённых Штатов Америки, но не банкир», поселился в квартире Антона. Он ещё по дороге назад от парковки такси успел рассказать о своих злоключениях с Денисом — в красках, с подробностями, сопровождая сочными и едкими комментариями, специально пытаюсь сделать большее. В ответ Антон лишь пожал плечами:

— Я его, по крайней мере, трахал. И буду ещё трахать после того, как обстоятельства вернутся назад в Германию.

— Нет, не будешь, — уверенно заявил Рон, проходя в квартиру.

— Ты прав, не буду, — согласился Антон. — Но это не твоё собачье дело.

Поначалу они практически не общались. Рон даже чемодан не распаковывал: как был в деловом костюме, он постоянно с кем-то переписывался, перезванивался, чатился, проверял рейсы и вообще создавал впечатление человека, готового в любой момент сорваться и уйти. Через сутки он, наконец, отложил телефон, закрыл планшет и соизволил переодеться в домашние вещи Антона. Теперь он создавал впечатление человека, делающего одолжение.

Антон одинаково раздражало что предыдущее поведение, что нынешнее. О чём он и сообщил, используя всю доступную ему обценную лексику английского языка. Рон ответил, как обычно, неуместно и язвительно, попутно делая академические замечания о правомерности использования британских ругательств в перебранке с американцем. Антон перешёл на русскую лексику. Рон, на удивление, подхватил. А дальше слово за слово...

Рон оказался интересным собеседником — начитанным, образованным, с типично английским чувством юмора, которым Антон всегда восхищался. На правомерный вопрос он пояснил, что, хотя и имеет американское гражданство и большую часть времени проживает в Нью-Йорке, по воспитанию он, скорее, британец.

Выяснилось, что они учились в одном университете — Кембридже. Только в разные годы и на разных факультетах. Рон делал магистратуру на экономическом, а Антона отец спрятал от

своих «конкурентов» на факультете английского.

— Изначально предполагалось, — пояснил он, — что я просто пересажу там передел сфер влияния в лихих девяностых. Мой папаша, знаешь ли, не всегда был честным бизнесменом. Но у жизни оказались свои планы. Так что теперь и ему некому передать свой бизнес, и я вместо академии занимаюсь переводами контрактов.

— О, знакомо, — протянул Рон. — Я тоже не желал идти по стопам отца, бунтовал, искал себя. Русский вот выучил назло — отец-то вёл дела с французами.

— А потом?

— А потом перестал выпендриваться, Антон. Подумал и понял, что далеко не каждому так везёт. Мне не было необходимости начинать с чистого листа, как большинству людей. Наша с отцом сфера интересов не настолько отличалась, чтобы нельзя было найти компромисс.

— Думаешь, мы тоже могли бы?..

— Кто знает? Вы могли бы попробовать.

С Роном было легко. Не просто, а именно легко. Антон не мог объяснить, откуда взялось это ощущение единения и чего-то общего. Не родственность души, нет. Нечто большее. Он понятия не имел, что Рон скажет в следующий момент и как отреагирует. Да он его вообще не знал. Но чувствовал на каком-то недоступном пониманию уровне. И не боялся. Не боялся обидеть, не боялся не так понять, не боялся показаться смешным или глупым.

Как будто вот это место на диване справа от журнального стола всегда принадлежало язвительному типу, говорящему по-русски с жутким акцентом, но умудряющемуся найти именно те самые слова. Не те, что Антон хотел услышать, а те, что услышать было нужно. Иногда их разговоры заканчивались дружным хохотом, иногда — не менее дружной бранью, но никогда у Антона не возникало желания прекратить их.

Антон так и не понял, как же случился их первый раз.

Такие мужчины никогда не привлекали его внимания. Рон был выше, старше, опытнее и, казалось, источал какую-то почти ощутимую ауру власти. Антон же предпочитал партнёров, о которых мог бы заботиться. Как можно заботиться о таком, как Рон, он не представлял. Даже на своё проживание в чужой квартире тот всего лишь милостиво согласился.

Рон тоже, судя по всему, предпочитал другой типаж — «тонких и звонких», к которым тяжеловесного и заросшего рыжей пятнистой щетиной Антона отнести можно было только по ошибке. Рон не создавал впечатление человека, склонного ошибаться.

Тем не менее, однажды утром они проснулись в одной постели. И ни малейших признаков сожаления, неловкости или разочарования. Рон приподнялся на локте, навис над Антоном, долго рассматривал его — заспанного, помятого, близоруко щурящего глаза, — а потом погладил по щеке абсолютно неожиданным ласковым жестом.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал он, — а ведь мог же и не приехать.

— Мог, — фыркнул Антон, — Денис тебя, видимо, крепко зацепил.

— Глупый. При чём тут Денис?

Это было похоже на сумасшествие. Они не отпускали друг друга ни на секунду. И дело не только в сексе, хотя Антон и в пору своей юности не устраивал таких марафонов. Они часами разговаривали обо всём на свете и ни о чём: о семьях, друзьях, мечтах и разочарованиях, работе и недавно просмотренных фильмах, первой влюблённости и ненавистной еде. Русский-английский-русский-английский. Торопливо глотая слова и стоны. Понимали, что не успеют, но всё равно бежали этот спринт. И на финишной линии, уже открывая дверь такси, Рон вдруг спросил:

— Ты приедешь ко мне?

А Антон, не найдя в себе сил на серьёзный и честный разговор, отвёл глаза и соврал:

— Приеду.

Через неделю ему на электронную почту пришёл первый билет.

Часть 4. Наше время. Москва

— И что было дальше? — Ярослав закурил, уже, наверное, десятую сигарету.

— А дальше ты сам знаешь, Слав. Никуда я не поехал. Он прислал ещё один билет, потом ещё один...

— Тоша, — недоумевающе перебил друг, — я что-то не так понял? Ты же втюрился в него по самое не балуйся!

— Ну, да, пожалуй.

— Почему же тогда не полетел?

— Господи, Слав, ну ты сам мозгами-то пораскинь! Я же думал, у него ни гроша за душой! Меня, рыпнись я куда из России, батя тоже без копейки оставит. И вот приеду я, весь такой из себя никому там нахер не нужный, голый и босый, и сяду ему на шею? Как быстро, по-твоему, любовь-морковь завянет? Нам не по пятнадцать лет, чтобы одними благими намерениями да солнечным светом жить.

— А его сюда позвать?

— А что я мог ему предложить? Стоптаный диван и макароны? Это на цацки случайным залётным, вроде Дениса, у меня деньги есть. Так они сегодня есть, а завтра тью-тью. А чтобы предлагать человеку перенести всю свою жизнь в другую страну, надо посolidнее базу иметь. И уверенность нужна, понимаешь? Что оно стоит того.

— Значит, ты не уверен?

— Значит, Белый, что я на той неделе с отцом говорил.

— О чём?

— О нём. О Роне. О нас.

— Отец... знает?

— Знает, конечно. У нас с ним, может, и куча разногласий, но он мой отец. Вряд ли он мог не заметить такое о собственном сыне.

— И до чего вы договорились?

— Ни до чего. Он обещал подумать. И знаешь, продажа агенства и отказ от доли, наверное, и есть его ответ. С этими деньгами я вполне мог бы хоть переехать к Рону, хоть перевезти его сюда. Вот только всё это уже не имеет никакого смысла.

— Да почему, Тош?! Сейчас-то в чём проблема?

— Да в том, что эта скотина оказался грёбаным миллиардером и купил нас с потрохами! А я... Блин! — скрипнул он зубами. — Ты вообще представляешь, что со мной было? Я же каждый раз заново сдыхал, как билет от него получал! Я же думал, что для него так лучше будет, что о нём забочусь. А он... Сука!

— Тош, тебе не кажется, что ты сам себе придумал амбразуру, чтобы пафосно возлечь на неё грудью?

— Знаешь что, Белый? Может быть. Может, я идиот. Вот только это риторический вопрос. Всё случилось так, как случилось, и закроем тему.

— Да почему закрыть-то, я не пойму? Ну, ступил. Или не ступил, тут уж от точки зрения зависит. Но теперь...

— А что теперь? — перебил Антон. — Ты хоть понимаешь, как я буду выглядеть, если вдруг случится «теперь»? Как шлюха я буду выглядеть... Как Денис мой незабвенный.

— Эх, Бродский... Налить тебе выпить?

— Налей мне, Белый, напиток... — Антон зацепился взглядом за недавно прибежавший мейл, и вдруг побледнел. — Он ещё один билет прислал. Под своим настоящим именем. На сегодняшний рейс.

— Тоша... Может, всё же, полетишь?

— Ты с ума сошёл? Наливай!

На следующий день, Нью-Йоркский аэропорт имени Джона Кеннеди

Опять лил дождь. И опять Джеймс ждал его. А он ждал московский рейс.

И опять выходил один, опять.

Опять.

— Fucking shi... — привычно начал Джеймс и вдруг осёкся.

Потому что вслед за потерянным и унылым Рональдом выскочил запыхавшийся и какой-то чересчур встрепанный, широкоплечий рыжий мужчина. Отбросив в сторону небольшую дорожную сумку, он схватил Рона за плечо и, резко развернув к себе лицом, начал что-то орать, привлекая к их живописной паре всё больше внимания посторонних. Рональд пару минут молчал, то ли внимательно слушая, то ли соображая, что вообще происходит, а затем всё так же молча и без предупреждения двинул кулаком в челюсть. Рыжий заткнулся, но

вместо того, чтобы напасть в ответ, начал постепенно расцветать в какой-то дебильной и абсолютно счастливой улыбке. А Рональд вдруг обнял его — резко, порывисто, — и Джеймс, наконец, понял, почему же он так ждал именно этого русского.

Уже по дороге в город Джеймс уловил обрывок фразы с заднего сидения:

— Хреновая тебе, Рон, Золушка досталась. Меня чтобы в тыкву засунуть, пришлось до невменяемости спойть.

— Сам выбирал, — хмыкнул Рональд, — так что жаловаться не буду, и не надейся.

mir-knigi.org